

18+

Михаил Бурляш

МИЛЫЙ
ЛЮБИМЫЙ
СВОБОДНЫЙ?

АНТИ ФЭНТЕЗИ

Михаил Бурляш

**МЛС. Милый, любимый,
свободный? Антифэнтези**

«Издательские решения»

Бурляш М.

МЛС. Милый, любимый, свободный? Антифэнтези /
М. Бурляш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597686-4

«МЛС» — сборник лагерных историй, в центре каждой из которых — судьба конкретного человека. Для многих «сидит в тюрьме» звучит почти что как «умер», однако в местах лишения свободы кипит жизнь, а чувства и эмоции обостряются до гротеска. Любовь и ненависть, подлость и благородство показаны автором через призму несвободы, которая как под микроскопом выявляет всю изнанку человеческой души.

ISBN 978-5-00-597686-4

© Бурляш М.
© Издательские решения

Содержание

Русская тюрьма. XXI век	6
Любовь за решеткой	8
Русалка	8
Красивая жизнь Марата Бочки	13
Заочница	18
Жена Валета	24
Самвел	27
Боярыня Морозова	29
Алишер	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

МЛС. Милый, любимый, свободный? Антифэнтези

Михаил Бурляш

Иллюстратор Елена Дугина

Дизайнер обложки Петр Гончаров

© Михаил Бурляш, 2023

© Елена Дугина, иллюстрации, 2023

© Петр Гончаров, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-7686-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русская тюрьма. XXI век

По мнению тех, у кого нет «сидящей» родни, сесть в тюрьму – всё равно что временно умереть. Люди не подозревают, что в стенах СИЗО, лагеря, зоны, тюрьмы бурлит своя жизнь. И это не только удовлетворение базисных потребностей пирамиды Маслоу. Отнюдь. Есть тут и духовные подвиги, и настоящая любовь, и бескорыстная самоотверженность, и поиски смысла бытия, и переосмысление собственной жизни, и многое другое. Как, впрочем, и полная бездуховность, апатия, саморазрушение, садизм и звериная агрессия. Здесь есть всё, что встречается в любом человеческом обществе, потому что тюрьма – это модель социума, построенная на обломках человеческих судеб.

Модель эта, конечно, ущербная. Взять хотя бы бытовую сторону. Супермаркеты, спутниковые антенны, интернет, цифровики, планшеты и айфоны кажутся здесь недосягаемой роскошью, вроде как поп-корн или шипучий аспирин в глухой африканской деревне. Есть, конечно, исключения, но они достаются либо большими деньгами, либо большой кровью.

Главная особенность местного «общества» – не внешняя одинаковость людей в робе, не тёмное прошлое, выраженное номерами статей УК и не жёсткая иерархия социальных слоёв от «обиженных» до блатных. Главная особенность – острота человеческих отношений. Когда сидишь – невозможно «отсидеться». Весь свой срок, 24 часа в сутки – от звонка до звонка – каждый живёт под десятками пристальных взглядов, и так же пристально всматривается сам. Невозможно спрятаться в свою ракушку, невозможно прикинуться ветошью, невозможно притвориться кем-то другим. Здесь каждый на виду, каждый под микроскопом. Человеческая сущность любого зэка видна как на ладони.

Здесь теряются последние иллюзии и в определенный момент наступает «момент истины», прозрение. Понимаешь, чего стоит государство, в котором живешь. Любой человек, даже самый скрытный, становится прозрачным как кусок пыльного стекла. Узнаешь цену словам и поступкам. Узнаешь цену себе.

...А в остальном тюрьма как тюрьма. Всё то же, что и сто лет назад. Старые бараки. Отвратительная еда. Убогие условия жизни. Грубый конвой. Грубый, вплоть до мордобоя, садизма и пыток. Впрочем, это куда повезёт попасть. Говорят, новые Питерские Кресты почище пятизвездочного отеля будут. А вот Ульяновское СИЗО, которое как-то «самовозгорелось» из-за короткого замыкания, унеся жизни четырех человек, было построено аж в 1861 году. Местные чиновники поспешили отчитаться, что «грамотные действия оперативников и сотрудников ФСИН помогли избежать больших жертв». Скажете – Ульяновск глушь? Весной 2006 году горела «Матросская тишина» – практически центр столицы – тоже «короткое замыкание» и тоже с человеческими жертвами. Так что в России горят не только избы...

Впрочем, старые тюрьмы, новые – один чёрт. Люди везде одни и те же. Души не отредактируешь. Привычкам капитальный ремонт не сделаешь. А главная привычка в любом ИУ одна – зэк это бесправное существо, «контингент», быдло. И отношение к нему соответствующее – хоть заслужил человек это, хоть нет. Это для родных ты сыночек, муж, братик. Здесь ты «осужденный». Хорошо хоть с фамилией, а не с номером. И спасибо, что клейма уже не ставят, как в царских тюрьмах – только нашивки с фамилией. В общем, российская тюрьма XXI века – это тюрьма с «человеческим лицом». Хотя, конечно, смотря с чем сравнивать.

В конце 19 века в тюрьмах практически при каждой камере были старосты (что-то вроде современных «семейников»). И такими старостами в своё время были люди, чьими именами до сих пор названы улицы всех крупных российских городов – Дзержинский, Урицкий, Калинин. А уж то, что в своё время «осужденными» были Ленин и Сталин, Достоевский и Горький, а чуть позже – Солженицын и Бродский, Русланова и Жжёнов, Королёв и Курчатов, и совсем

недавно – Губерман и Лимонов, Новиков и Кучин, Янукович и Ходорковский – вообще общеизвестные факты.

В общем, как пел на мотив «В траве сидел кузнечик» Михаил Ефремов (тоже нынче сиделец) – «В тюрьме сидят людишки, Платошки, Лёшки, Мишки». Так что, тюрьма как тюрьма – с людишками, с операми, с мерзавцами, с политзаключенными, со стукачами, с невиновными, с блатными – со всякими.

Место, где время остановилось, но жизнь продолжается.

Любовь за решеткой

Русалка

Русалка появилась в столовке всего пару месяцев назад, но уже стала местной достопримечательностью. Она встречала всех входящих загадочной улыбкой на большеглазом деревянном лице, выражение которого говорило «знаю-знаю, я всё про вас знаю».

Руки, хвост и чешуя были мастерски вырезаны из обычной липы, а волосы были слегка подкрашены зеленкой. Однако лучше всего «скульптору» удались округлости и выпуклости. От постоянных прикосновений сотен скупающих рук русалочки грудь и бедра блестели словно смазанные полиролем.

Автор Русалки – Толик Деревянный – был известен всей зоне благодаря своим золотым рукам. В колонии у него неожиданно открылся талант – умение работать с деревом. С его появлением столовка в ИК начала украшаться невероятными резными фигурами – были тут и улыбчивые подсолнухи, и бегущий олень, и почти живые переплетающиеся змеи, и пиратский фрегат в пол-стены, и вот теперь девушка с рыбьим хвостом, особо полюбившаяся «контингенту».

Толику было слегка за двадцать, в колонии он был уже два года, а до этого провел год в СИЗО. Посадили его за пьяную драку в кафе, в которой он убил армянина. Из-за чего завязалась потасовка, никто не знал, да особо и не интересовался – у каждого здесь были свои истории и свои скелеты в шкафу.

Единственный, кому удалось разговорить Деревянного, был Марат Бочка – столовский завхоз, который неофициально ведал всеми харчами. Именно их прикрытие и положило начало превращению столовки в зоновский «лувр», как теперь с иронией называли местный общепит опера. Именно Марат, привечая и подкармливая народного умельца, вытянул из Деревянного его грустную и по-своему типичную историю.

Вот и сегодня они сидели на заднем дворе, смолили «трофейные» сигареты и неспешно трепались о том, о сём. Незаметно разговор свернул к теме слабого пола, столь любимой в чисто мужском обществе.

– Как там твоя Настя? Написала тебе хоть раз? – поинтересовался Марат, лукаво поблескивая карим глазом из-под нависающих густых бровей.

– Шутишь? – усмехнулся Деревянный, – небось, и забыла уже, что я такой есть на белом свете.

– А ничего, что ты из-за неё человека грохнул? – развил тему Бочка.

– Дак, я ж не жизнь ей спасал. Кавалера лишил выгодного. Хотя и не хотел, чтоб так вышло...

– Дружище, да ты никак защищаешь её? И это после того, как она тебе в душу плюнула? – Марат осуждающе покачал косматой головой.

Деревянный пожал плечами и надолго замолчал, прокручивая в голове кинофильм про свою недолгую жизнь. С восемнадцати лет встречался с девчонкой из своего поселка, любил её без памяти, летом чуть не каждое утро букеты ей в распахнутое окно закидывал. Красивая, ладная, голубоглазая, с гладким горячим телом – как у отполированной руками зеков деревянной русалки...

В девятнадцать Толика в армию забрали, в зенитные войска. Мать рыдала и уговаривала батю «выкупить у Родины» единственного сыночка, но тот, насупив брови, твердил как заведенный: «пусть служит, мужиком настоящим станет». Все так и получилось, с усмешкой думал Толик. Стал «мужиком» – только не в армии, а на зоне.

За батю стоило сказать отдельно. Сколько Толик себя помнил, отец был одержим идеей разбогатеть. Раньше ему это не особо удавалось, но последние несколько лет дела шли в гору – батёк устроился на мясокомбинат заготовителем скота и не прогадал. Ездил с помощником по окрестным селам и деревням и сбивал цену сельчанам на коров и свиней, на вольных травках взращённых, собственными ручками вскормленных.

Сначала осторожно, потом всё смелее и наглее обводил вокруг пальца хозяев покупаемого скота и из каждой поездки привозил пачки денег, которые сразу обменивал на доллары и припрятывал. В семейный котел попадали крохи, практически весь навар шёл в «кубышку».

Так и жили до призыва. Толик работал на том же мясокомбинате грузчиком, и все деньги тратил на ненаглядную Настю. Мать зарабатывала шитьем. Отец вечно пропадал в командировках, а когда бывал дома – лежал на своей кровати и мысленно подсчитывал сбережения.

Служил Толик спокойно, даже можно сказать весело – ребята подобрались как по заказу, добродушные увальни. В общем, обошлось без дедовщины. Но дослужить спокойно не удалось. Когда до дембеля оставалось чуть больше двух месяцев от матери пришло письмо, в котором среди прочих новостей она сообщала, что Настя его уже месяц как не заходит и вообще спуталась с каким-то кавказцем.

Толик психовал и не находил себе места. В последнее время Настя действительно звонила редко, а смски от неё становились всё суше и короче. В последний месяц службы он не получил ни одной, а её номер перестал отвечать.

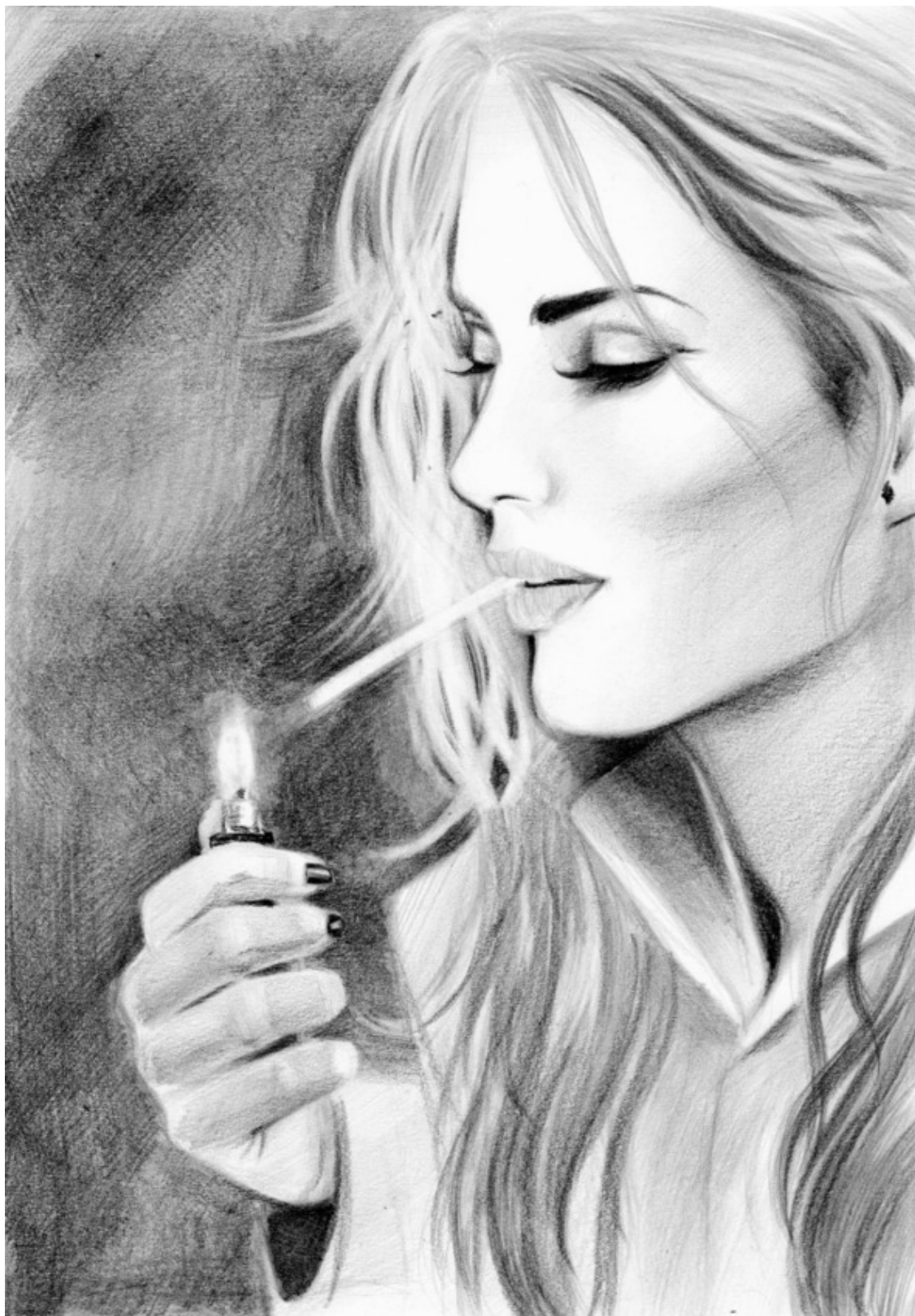
Домой Толик ехал с тяжелым сердцем. Узнать, где найти Настю не составило особого труда. Кафе «Арагви» на окраине райцентра считалось в посёлке чем-то вроде эпицентра разврата и в то же время местом встречи местного полу-светского общества.

В день своего приезда домой, заняв у матери денег, и надев купленные ею же костюм и новую рубашку, Толик взял такси и поехал в «Арагви». Добираться в «эпицентр разврата» на маршрутке ему показалось как-то не комильфо.

«Арагви» встретило Толика запахами дыма, ткемали и подгоревшего мяса. Заняв позицию за столиком в углу, мрачный дембель заказал «стописят» водки с шашлыком и приготовился к наблюдению. Впрочем, долго ждать не пришлось – где-то через час в кафе ввалилась веселая компания, в которой и была его Настя.

В коротком белом платье, в красных туфлях на шпильке, с платинового цвета каре и ярко накрашенными губами она казалась дешёвой пародией на Мэрилин Монро. «Ну вот, ещё и волосы остригла», подумал Толик, и это почему-то показалось ему самым обидным. Он схватил проходящую мимо официантку за край передника и попросил «повторить водку».

За столиком с Настей сидела ещё одна девчушка, похожая на неё как сестра, и два солидных армянина, заметно старше своих спутниц. Один из них с хозяйским видом лапал Настю, а та громко смеялась, закидывая голову назад и широко раскрывая рот. Толик наблюдал за картиной чужого веселья с растущим возмущением.

Настя "Русалка"

Его раздирали противоречивые чувства. Подойти и ударить армяна в глаз? Вылить на изменницу графин с соком? Крикнуть через весь зал «шлюха!» и гордо уйти? Он не знал, что ему делать, и потому сидел и пил водку.
А потом начались танцы...

– Ну ты чего пригорюнился, Деревянный? – раздался откуда-то сверху зычный голос.

Толик вздрогнул. Прямо над ним возвышался Марат Бочка и смотрел на него грустным понимающим взглядом.

– Не кисни, дружище. Жизнь продолжается, – сказал он без особой, впрочем, задушевности. – Вон, из воспитательного отдела просили, чтобы ты им герб ФСИН вырезал. Обещали тебе пару поощрений за него сгношить. Ты обмозгуй пока, а я пойду выдам поварам продуктовку к ужину.

Бочка ушёл походкой бывалого морского волка, слегка покачиваясь на коротких крепких ногах. А Толик, оставшись один, снова перенёсся с залитого солнцем столовского дворика в задымленный шумный зал «Арагви».

Танцы стали для Толика ударом ниже пояса. Настя прижималась к своему кавалеру и крутила бедрами так, что короткое белое платье то и дело задиралось. Мужчина то что-то искал у неё на спине ладонью, то хватал за ягодицы. У Толика невыносимо першило в горле. Бросив на скатерть материны деньги, он поднялся и пошел к выходу. Так бы и ушел, но подвело предательское желание оглянуться.

Такое невыносимое, что он остановился и оглянулся, поймав случайный Настин взгляд. В этом взгляде отразилось всё. Всё, чего он ждал и чего не ждал. И радость узнавания, и испуг, и раздражение и даже какая-то вызывающая гордость – мол, смотри, какая я стала, и как меня хотят! Этот взгляд развернул Толика на 180 градусов и направил обратно к столу, где лежали остатки его недоеденного шашлыка.

Не отдавая себе отчета, Толик взял с тарелки сочный печёный помидор и что было сил запустил в бесстыжую фигурку в белом платье, мельтешащую в огоньках цветомузыки. Помидор смачно шлёпнул предательницу по спине, оставив на белой ткани мокрое красное пятно, похожее на кровь.

От неожиданности Настя вскрикнула и непроизвольно оттолкнула от себя партнера. Тот оглянулся и обвел глазами зал, мгновенно наткнувшись взглядом на окаменевшую фигуру в новом костюмчике. Толик в упор смотрел на испачканную помидором Настю и её взбешенного любовника, и они казались ему героями какой-то дешёвой киношной мелодрамы.

Воздух вокруг него сгустился, всё внезапно замедлилось, и даже зажигательная восточная музыка зазвучала тягуче и душераздирающе как похоронный марш.

Через секунду началась драка.

Толик помнил лишь обрывки. Били его, бил он, музыка всё играла и играла, визжали женщины... А потом кто-то принес с кухни большой нож для резки мяса и зачем-то вложил его в руку Настиного хахалы. Разгоряченный дракой тот взмахнул ножом, разрезал Толику рукав и больно обжег руку. Толик скинул оцепенение и словно зверь, почуявший запах крови, завыл во весь голос.

Растолкав противников, он схватил стул, размахнулся и со всей дури шибанул армянина по голове. Тот отлетел к стене, стукнулся об неё головой, обмяк и упал. Через два дня он умер в реанимации.

Толик тяжело вздохнул. Эх, если бы не этот нож! И кто только его принёс?!

Вот так прямо из армии Толик попал в СИЗО. Пару раз к нему на свидания приходила мать. Жаловалась, что батя не даёт денег, чтобы «откупить» сына. Вроде как пострадавшая сторона пробашляла следователю, чтобы нож из дела исчез.

Мол, Толик не защищался, а только нападал. И вообще, его никто не бил – дрался только он. Толик не верил, но к суду в материалах дела почему-то действительно никакого ножа не оказалось. В итоге дали на полную катушку – 11 лет.

Отец на суд не пришел. Мать снова плакала, обещала, что найдет батину «заначку», в которой уже не меньше двадцати тысяч «зеленых», и подмажет «где надо», чтобы дело пере-

смотрели. Толик поверил, написал апелляцию, но ему отказали. «Не нашла мать заначку», подумал он тогда с каким-то горьким безразличием и доверился судьбе.

Какое-то время обживался в ИК, потом надеялся, что отец смягчится и распечатает-таки свою кубышку ради единственного сына. Тем более, что мать его походу постоянно пилила по этому поводу. Но в ответ слышала только одно: «сам виноват», да «посидит – умнее станет». А полгода назад и эта надежда рухнула – умер батя.

Подвело сердце. Оказалось, что все сбережения свои долларовые батя в матрас прятал. Пачку за пачкой, ряд за рядом заполнял матрас американской валютой, выкрученной при обчёте сельского населения. Матери и невдомек было, где искать надо. Год за годом собирал своё состояние батя, отвечая на все её денежные просьбы отказом.

А тут под новый год решил видимо пересчитать своё богатство, распорол матрас, а вместо долларов из него бумажная труха посыпалась – крысы все деньги съели. Только последняя пачка и осталась – пять бумажек по сто долларов. Схватился старик за сердце и сполз на пол... Там его мать и нашла – на полу у кровати, рядом с распоротым матрасом и трухой. На пятьсот долларов и похоронила.

В свете грядущих восьми лет отсидки загрустил Толик. Но потом взял в руки самодельный нож-резак и начал веточки бесхозные по зоне подбирать. Раз его с этим резакom застукали, но как увидели, какую он красоту делает – выбили у начальника ИК разрешение на работы по дереву, местечко в мастерских слесарных выделили и даже инструментом при оказии снабдили.

С тех пор превратился он из Толика в «Деревянного»; с утра до вечера просиживал в своем кильдимчике, всё что-то стругал, выпиливал, резал и ваял.

А однажды Бочка ему кусок бревна откуда-то притащил. Из него-то и появилась знаменитая Русалка, полюбившаяся всей зоне как родная. Как подшучивал Марат, «умелые руки из любого бревна горячую бабу сделают».

Вспомнив эту присказку, Деревянный улыбнулся, скинул грусть, как упавший на голову случайный листок, и пошел искать подходящую плашку, чтобы сделать герб для воспитательного отдела.

Два поощрения на дороге не валялись.

Красивая жизнь Марата Бочки

С осени пошел седьмой год как Марат числился кладовщиком при пищеблоке. Там, собственно, к нему и приклеилось прозвище «Бочка», практически вытеснив предыдущее «Цыган». Марат дневал и ночевал в складской каптерке, почти не бывая в своём бараке. За шесть лет соседства с продуктами у него на талии вырос «пояс сытого шахида», как шутил он сам, однако темные круги под жгучими черными глазами выдавали хронический недосып.

В последнее время Марат всё чаще вспоминал одну известную сказку Гауфа. Стоя у единственного окна продуктового склада, он смотрел на растущую за окном берёзку и думал: «ну что, кудрявая, седьмой год пошел, как я тут «в белках»...

Параллель с Карликом Носом прослеживалась прямая. Собственно, и закрыли его практически за то же самое. Только в отличие от сказочного мальчика Марат потащил старушкину сумку не к ней домой, а к себе в машину. В сумке тоже была «капуста», но вовсе не с рынка, а из банка, куда старушенция, сгибаясь под тяжестью бабла, несла полученные за московскую квартиру деньги... И за что только Марату заломили такой срок? Никого не убивал, не калечил, не подвергал насилию. Всего-то делов – грабанул пенсионерку, которую всё-равно бы обо-брали – если не собственные внуки, так мошенники, торгующие модными БАДами.

Так размышлял Марат Бочка, а берёзка качала косматыми ветками в такт его мыслям. Странно, но его единственным другом в зоне стало именно это дерево, вольготно раскинувшееся над приземистым зданием столовой, откровенно наплевав на все правила внутреннего распорядка. Глядя на берёзку, он с горькой иронией проводил параллель всё с тем же сказочным персонажем, умудрившимся подружиться с говорящей гусыней. Впрочем, в отличие от гусыни, берёзка дружила с Маратом молча.

Вот и сегодня он как обычно смотрел в окно, прислушиваясь к раздававшимся с кухни голосам.

– Ты охренел что ли, столько картошки сыпать в котёл? – кричал кому-то во всё горло старший повар. – На один котёл не больше полмешка! Я тебе вобью науку в голову, дебилоид!

Послышался звонкий удар, как будто с размаху шлёпнули пятернёй по уху, мужской вопль и нецензурная брань.

Марат вздохнул и отвернулся от окна. Реальность была не сказочная...

Столовка была местом, которое никогда не спит. По ночам готовили завтрак, по утрам – обед, днем – ужин. Вечером завозили продукты и выдавали их же на следующий день. В общем, жизнь кипела и бурлила, как суп в варочном котле. Помимо производственных проблем, типичных для любого общепита, на местный «кantin» накладывали жесткий отпечаток почти армейские зоновские распорядки, а также специфика «контингента». Повара регулярно бегали на проверку, частенько забывая вернуться, периодически напивались, а иногда даже устраивали поножовщину прямо на рабочем месте. Зэки воровали посуду, свинячили, хамили стоявшим на раздаче – и даже, случалось, били – и постоянно жаловались во все инстанции на отвратительное питание.

Но всё это были цветочки по сравнению с тем, что творилось у Марата в душе. Суровый, но с юмором дядька, по любому поводу готовый сыпать шутками-прибаутками, и запросто способный отвесить оплеуху зарвавшемуся «коллеге», внутри всерьёз тосковал. За ежедневной суетой терялось что-то главное; да вроде и грустить было некогда, но когда он оставался один, из души вырывалась такая боль, что хотелось наложить на себя руки. Шесть лет бесконечного кухонного шума, ругани, громохання тарелок и вытяжки сливались в какой-то бессмысленный гул. Ему казалось, что «в белках» он уже вечность, у которой нет начала и не будет конца.

Спасала берёзка. Летними ночами он слушал её шорохи и вспоминал детство. Каждое лето он проводил в деревне, в приземистом кирпичном домике у берёзовой рощи. Берёзка

за окном вытащила из памяти всё то, что было напрочь забыто: утренние деревенские туманы, парное молоко, походы с бабушкой в рощу за подберезовиками, шелест дождя за окном и стук яблок, падающих прямо на крышу...

Когда-то суета столичной жизни затмила эти лёгкие воспоминания, закрутила парня, втянула во всеобщую гонку за красивой жизнью и большими деньгами. Устроился барменом в модный клуб, спекулировал алкоголем, разбавлял и продавал «из под прилавка» – крутился в общем. Однако на желаемый уровень жизнь не тянула. Заводил десятками знакомства с «лёгкими» девочками; с пятёркой самых понятливых замутил небольшое «деловое партнёрство». Когда за стойкой оказывался денежный клиент без эскорта, щедро подливал ему в бокал, вызывая одну из «пятёрки» для дальнейшей обработки. Девчонки делились, но и этого не хватало.

Фортуна усмехнулась, когда Марат познакомился с девушкой из банка. Парень он был красивый, и, что было гораздо хуже, знал об этом и умел пользоваться своей мужской привлекательностью. В совершенстве владел набором обаятельных улыбок, волнующих прикосновений и недорогих эффектных жестов. И когда подвернулась влюбившаяся в него по уши Ленка, он решил, что судьба подарила ему шанс перепрыгнуть сразу через несколько ступенек.

Как пишут в сентиментальных романах, милая барышня полностью доверилась хулигану и проходимцу. Впрочем, справедливости ради стоит признать, что Марат по своему привязался к девушке, и не исключал Лену из планов дальнейшей жизни. Но пока эти планы медленно зрели в его голове, он сделал из неё наводчицу.

Первое «дело» сошло ему с рук. Когда девушка сболтнула, что один из клиентов открыл счет для продажи элитной квартиры, Марат выпросил у неё все мельчайшие подробности. Пожилой мужчина, давно живший в другой стране, приехал в Москву, чтобы продать квартиру в одном из самых престижных районов города – на Таганке. Лет десять в ней жили постояльцы, приносившие ему неплохую прибыль, однако ситуация изменилась и он решил продать недвижимость, на свою беду разоткровенничавшись с симпатичной банковской служащей.

И всё бы ничего, не пожелай он перевести деньги в наличную валюту. В век интернет-технологий и виртуального банкинга это выглядело нонсенсом, однако мужчина был немолод и хотел подержать в руках чемоданчик с баксами. Это странное желание его и подвело.

Когда покупатели перевели деньги за квартиру, он пришел в банк, чтобы заказать наличные. Такие суммы в кассу привозили только под заказ. Лена, естественно, проболталась Марату, и в этот день он с самого утра сидел в машине напротив банка, высматривая «объект».

Когда элегантный мужчина с чемоданчиком вышел на улицу и сел в машину, Марат поехал за ним, лихорадочно соображая, как ему лучше поступить, и умоляя воровского бога подкинуть ему удобный случай.

В тот день удача была на его стороне. У «клиента» кончились сигареты. Отправляться за деньгами в одиночку и с пустой пачкой было непростительным легкомыслием. То ли голова у человека была занята другим, то ли лишила бдительности расслабленная жизнь в Европе – но в районе Рогожской заставы мужчина свернул на тротуар, вышел из машины и побежал к табачному ларьку за сигаретами, не закрыв машины – ведь на минутку же.

Тех секунд, пока он разговаривал с продавщицей, Марату хватило, чтобы подбежать к его машине, открыть переднюю дверь и вытащить кейс с деньгами с пассажирского сиденья. Когда мужчина повернулся, чтобы взглянуть на машину, Марат уже захлопывал дверь своего неприметного Вольво с заляпанными грязью номерами и выжимал педаль газа, чтобы сдать назад.

Проезжая мимо только что ограбленной машины Марат бросил секундный взгляд на жертву – седой мужчина с донкихотской бородкой открывал дверь своего «Фольксвагена» с сигаретой во рту. На его лице читалось умиротворение. «Куришь вредно, дядя», ехидно подумал Марат, всё ещё не веря своему счастью.

После этой головокружительной операции они с Ленкой целый год жили как жуиры. Смачное словечко где-то откопала Ленка; Марату оно так понравилось, что он вставлял его

в свою речь по любому поводу. Случалось, он сдергивал со спящей Ленки одеяло где-нибудь в отеле на Мальте и вело кричал: «Эй, журиха, подъем! Пора прожигать жизнь!»

«И всё-таки у красивой жизни грязная изнанка», – думал Марат, мысленно обращаясь к березке. «Но хоть вспомнить есть что».

Для Ленки история с ограблением не прошла бесследно. Когда Марат принес домой чемоданчик с деньгами, с ней случилась истерика. «Ты сошел с ума!» – кричала она. «Это же преступление, нас посадят!» Но никто никого не посадил, обошлось. Правда, в банк приходил следователь, но Лена, наученная Маратом, на все вопросы отвечала спокойно и отстраненно. В криминальных сводках мелькнула пара сообщений, но так как грабителей не нашли, история быстро забылась, так и оставшись трагедией одного человека.

Пару месяцев спустя Ленка уволилась из банка и они с Маратом на полгода укатили в путешествие по Европам и Америкам.

А через полгода жуирской жизни Марат заскучал. «Ленка, а давай ресторан в Москве откроем?» – предложил он своей «Бонни» в один из вечеров где-то на тропическом побережье. Ленка только вздохнула. Ей хотелось спокойной жизни, семьи, ребёнка. И чтобы всё это с Маратом, но без криминала. «А у нас есть на что?», – поинтересовалась она в ответ. Денежки, в начале казавшиеся неиссякаемыми, почему-то подходили к концу...

Вернулись в Москву, в привычный ритм. Старый приятель взял Марата в клуб управляющим, и он возобновил дружбу с «пятеркой», из которой в деле фактически осталась лишь «тройка». Лена, с месяц походив по собеседованиям, устроилась в солидный коммерческий банк. Жизнь казалась стабильной, но пресной. Лена работала, радуясь тому, что «всё налаживается», а Марат высматривал новую жертву. Он всерьез подумывал открыть в Москве свой ресторан – а удовольствие это было не из дешёвых.

Полгода прошли впустую. И вдруг однажды за ужином Лена обмолвилась, что в банк приходила забавная старушка открывать счет. Мол, хочет продать квартиру в центре и переехать к сестре во Владимир – старая стала, тяжело одной. «Такая интересная старушенция, – щебетала Ленка, накрывая на стол – в кружевном воротничке, с брошью. Прическа пышная. На вид – не больше шестидесяти, а по паспорту знаешь сколько?»

Марат внимательно слушал рассказ подруги, а когда она замолчала, задумчиво спросил: «А когда, ты говоришь, у неё сделка по квартире?»

Лена взглянула ему в глаза и побледнела: «Марат, даже не думай! Я каждый день благодарю Бога за то, что в прошлый раз обошлось! Давай жить как нормальные люди, без приключений вот этих вот твоих...»

Она говорила и говорила – и даже плакала, но разве устоять податливой влюбленной девушке перед обволакивающим взглядом чёрных глаз, за которые потом Марата в СИЗО прозвали цыганом?

Казалось, Марат, продумал всё, но только форта ему в этот раз не было. Воровской бог, похоже, отвернулся. Не зря бандиты и воры свечки в церкви ставят после удачного дела. Да и на благотворительность обычно не жалеют: украл – поделись с нищим и убогим, иначе форта не будет. Примета такая. Марат же, выскочка и кустарь в гоп-стопе, примет не знал и весь свой большой куш профукал, прокутил с бабой. Потому и не стало ему везения. Это ему потом знатоки воровской этики растолковали. Да только толку то?..

В общем, старушенция оказалась с фронтальной закалкой и железной хваткой. Хоть и одна с деньгами в банк шла, да не растерялась – когда Марат попытался выхватить у неё ридикюль, вцепилась в него намертво и кричать начала. В конце концов, он выдернул добычу и побежал туда, где стояла его машина, но какой-то мальчишка, насмотревшийся, видать, сериалов про благородных ментов, бросился ему прямо под ноги и Марат упал. На старухины крики уже бежал патруль из молоденьких пацанов, гоняться с которыми на перегонки у Марата тупо не хватило дыхалки...

В общем, банально, глупо и пошло закончилась мечта о собственном ресторане.

Вместо собственного шикарного заведения Марат получил от судьбы грязную столовку в ИК, где месяцами стояли запахи прокисшей капусты и тухлой рыбы. Единственное, за что он был этой судьбе благодарен, так это за то, что Ленке удалось выйти из нехорошей истории без уголовных последствий...

«Где-то она сейчас?» – думал Марат, глядя на берёзку, тёмным силуэтом нависающую над лагерным общепитом.

Ленка ездила к нему два года, словно верная жена, прожившая с ним в браке двадцать лет. Свиданки, передачи, посылки, поддержка, общие мечты и планы начать новую жизнь. Когда он осознал, что она нужна ему больше, чем он ей, Ленка вдруг пропала. Через пару месяцев от неё пришло коротенькое письмо, в котором она просила «понять и простить». С той поры Марат затосковал. Да так, что не помогало ничего. Ни круглосуточная работа, ни книги, к которым он в какой-то момент пристрастился, ни общение с «коллегами». Кое-кто из последних советовал «завести заоху для грева», но Марату претила эта мысль, и он оставался один.

Бочка и сам не заметил как единственным собеседником, с которым он, случалось, открывничал, стала березка за окном. Стоя ночью у окна, он, бывало, первым начинал разговор.

– Ну что, лохматая? Не спится, как и мне? Всё листики полощешь – думки думаешь? Не нужны мы с тобой никому...

Дни шли за днями, ночи за вечерами, за летом осень. Однажды в столовку нагрянула очередная комиссия. Недавно назначенный на большой ФСИНовский пост чиновник ходил по кухне и тыкал во все пальцами-дутиками.

– Что это у вас тут за грязь? Почему мясо не в холодильнике? Почему повар без колпака? Где противопожарный щит? А это что? А куда отходы сливаете? А кто за склад отвечает? Где храните посуду? А почему крупы не подписаны?

При каждом движении рта на румяных щеках чиновника пружинили складки. Кое-кто из столовских новичков вздрагивал от визгливых окриков очередной «шишки», но большинство лишь едва заметно морщилось, как от ноющей зубной боли. К проверкам и комиссиям народ тут был привычный и давно уже выработал иммунитет против начальственных истерик.

Марат наблюдал за дерганой фигурой издали, подойдя, когда подозвали. Чиновник побрызгал слюной, поругался, дал несколько указаний и вышел в сопровождении штабной свиты. «Тебе бы на телеканал „Пятница“, дядя, сделал бы шикарную карьеру», – подумал с иронией Марат.

...На следующее утро Бочку разбудил звук работающей бензопилы. Потянувшись, он неспешно встал с самодельного лежака, устроенного прямо в складской каптерке, глотнул из кружала вчерашнего холодного чая и подошел к окну. То, что он увидел, мгновенно согнало с него остатки сна. Несколько человек пилили березку – пила мелькала уже где-то в середине ствола.

Выскочив на улицу, Марат закричал: – Стойте! Вандалы! Что вы творите?! Кому березка то помешала!?

Пила замолчала. Мужики молча повернулись к Марату и один из них сказал без всякого выражения: – Вчерашняя комиссия сказала спилить. Вроде как корни фундамент разрушают...

Подождав несколько секунд, мужики в робах снова взялись за работу.

Марат стоял в стороне и, закусив губу, наблюдал за тем, как пила деловито снует по белоствольной. Через пару минут раздался треск, и дерево медленно свалилось на землю.

– Ты где там, Марат? Пора обеденную продуктовку выдавать, – прокричал с крыльца дежурный повар.

«Ну, вот и всё, кудрявая», – подумал Марат, отворачиваясь. «Теперь у меня совсем никого не осталось».

«Только ты сам...» прошелестели в ответ поникшие березовые ветки, но Бочка не услышал – он уже отвечивал норму. Конвейер зонового питания не имел права останавливаться.

Заочница

...Валентин уже два месяца ходил загадочный. То улыбался без причины, то отвечал невпопад. Соседи по бараку не обращали на это внимание, хотя налицо были все признаки того, что у Валентина наконец-то появилась женщина. Какая-то милая заочница. Подруга по любовной переписке. Свободная женщина из свободного мира.

Так и было, на самом деле. И Валентину безумно хотелось поделиться своей радостью, но он не решался пока ничего рассказывать – боялся сглазить. Женщина ему попалась крайне приятная – разведенная, добрая, ласковая. Письма писала сплошь любезные и заманчивые. Вот только роман их был в самом начале, и хвалиться пока особо было нечем, да и не зачем.

Да, собственно, и рассказать про такое можно было разве что Колюхе. Был такой у Валентина приятель в бараке. Не то, чтобы прямо кореш «не-разлей вода», но вроде достойный мужчина – языком не трепал, советы давал дельные, денежку иногда по мелочам одалживал. С ним можно было поделиться любыми, самыми конфиденциальными сведениями, не боясь, что растреплет или посмеётся.

Вот только в этот раз Валентин делиться своей сердечной тайной не спешил. Дело было в том, что Колюха при всех своих явных достоинствах имел одну малосимпатичную черту – не любил женщин. И не в том смысле не любил, в каком их не любят особи нетрадиционной ориентации – с этим то как раз всё в порядке у него было – а в том смысле не любил, что считал их всех никчёмными склочными созданиями, которые нужны на свете только ради одной цели. То есть для него не существовало таких понятий как «женщина-подруга» или «женщина-друг», саму возможность таких отношений он отрицал напрочь.

Поэтому-то и не спешил Валентин делиться радостью. Уж очень понравилась ему Елена, хоть и не видел он её ещё пока. По одним только письмам уже готов был влюбиться. Но до конца уверен не был. Мало было у Валентина опыта с женщинами. «Эх, посоветоваться бы хоть чуть-чуть, поговорить бы» – думал он, поглядывая на Колюху, и тут же сам себе отвечал: «нет, не поймёт Колюха, засмеёт. Или хуже того – испортит всё, наговорит гадостей всяких»...

Вот так и ходил уже третий месяц. Улыбался без причины, отвечал невпопад. А рассказывать ничего не рассказывал. И вот в начале четвёртого месяца Колюха сам завёл разговор на волнующую Валентина тему.

Дело было вечером. Они пили чай, обменивались байками и обсуждали последние тюремные новости.

– Ну что, Валь, когда про невесту-то расскажешь? – вдруг ни с того ни с сего спросил Колюха.

Валентин аж чаем чуть не поперхнулся от неожиданности.

– Ты с чего это взял вообще?... – промямлил он, – Какая ещё невеста?...

– Да ладно, не прикидывайся шлангом. У тебя ж все по лицу видно, слишком ряха мечтательная последнее время стала... рассказывай, не дрейфь, отговаривать не буду, – и Колюха ободряюще подмигнул.

Валентин не знал, что и думать. Как-то не похоже это было на Колюху.

– Ну вообще-то да... Переписываюсь тут с одной, – начал он и запнулся

– Валь, ты не напрягайся. Не хочешь рассказывать – клещами вытягивать не буду. Только у тебя на лице написано, что хочешь поговорить, – Колюха достал сигаретку и прикурил, глядя на Валентина снисходительно, как на малого ребенка.

– Коль, ты понимаешь, в чем дело, я же серьезно хочу. Чтобы семья была, дети может... Чтобы не просто время скоротать, а по-настоящему чтобы всё..., – Валентин говорил и понимал, что ему не хватает слов, чтобы выразить свои мысли. Но процесс уже пошёл, ему хотелось выговориться. – Я знаю, у тебя бабы доверием не пользуются, но это твое личное дело, я

тебя переубедить не собираюсь. Только мне кажется, что все-таки есть порядочные женщины, с которыми можно построить нормальные отношения и жить душа в душу. Почему нет? Вот объясни мне, неужели лучше одному быть, такой угрюминой никому не нужной? Не понимаю я тебя, честно...

Валентин и сам не заметил, как разговор перешёл на Колюху. «Ну вот, хотел посоветоваться, а сам к нему в душу лезу», – с досадой подумал он про себя.

Однако Колюха ни огрызаться, ни увиливать от темы не стал. В этот вечер у него было лирическое настроение, и он видимо решил позволить себе некоторую откровенность. Выдохнув к потолку струйку дыма, он заговорил, чуть понизив голос.

– Понимаешь, Валь, натерпелся я в свое время от баб. Ведь и любил, и цветами заваливал, и в окна лазил, и ванны шампанским наливал, и безделушки дарил дорогие... И хоть бы одна этого стоила! Ни одна, чтоб я сдох! Все корыстные, жадные, хитрые, холодные внутри...

– Может ты просто не тех выбирал? – попытался было встрять Валентин, но Колюха его даже не услышал, видимо ему тоже хотелось выговориться в этот вечер.

– А самая бесчеловечная баба досталась мне в жены... Ты знаешь, Валь, я ведь даже и не заметил, как оказался с кольцом. Окрутила за считанные месяцы. А я тогда такой дурак был, как телок сам в загон пошёл... Уж больно она мягко стелила, понимаешь? «Коленька, Коленька», сюськи-пуськи там всякие... Ну и купился я. Прямо на крыльях домой летал, пылинки сдувал, чуть ли не на посылках у неё был. И не заметил, как уже и квартирка на ней оказалась, и машина новая, и украшения какие-то немыслимые. А я всё как ханурик в старом костюмчике ходил, всего три рубашки в шкафу висели. Эх, Валька, где были мои глаза!

Колюха кинул потухший бычок в консервную банку, закурил ещё одну сигарету и продолжил.

– Вот ты думаешь, я всегда был таким обшарпанным эком? Прямо вот уголовником законченным? Таким ворчливым заскорузлым женоненавистником? Да был и я человеком, Валь, нормальным, причём. Чиновничком даже мелким какое-то время в земельном комитете работал. Причём вкалывал там чуть ли не круглосуточно – то на шубку новую зарабатывал, то на поездку в Сочи ненаглядной жёнушке. А когда меня потихоньку по службе двигать начали, вместе с моими карьерными шагами и запросы у неё начали расти. Я ей – давай, Алёнушка, ребёночка заведем. А она мне – не время, Коленька, надо квартирку сначала побольше нам, а то детишечкам бегать негде. Я ей – давай вместе в отпуск поедём летом, а она мне – ой, у меня аритмия, мне врачи рекомендуют на тёплые моря весной и осенью ездить... Это потом я уже узнал и про то, что она два аборта сделала пока мы вместе жили, и на морях своих не аритмию лечила, а одно место тешила. А тогда наивный был, влюбленный.

Но только рухнуло всё в одночасье. Стал я по командировкам мотаться, денег не хватало вечно, как в бездонную бочку все куда-то утекали. Ну и прямо как в анекдоте всё получилось, про то, как «уехал муж в командировку»... Только я как раз не уехал. Рейс отменили, а пока сидел и ждал в аэропорту, обстоятельства изменились. Прикинь, Валь, сижу я в зале ожидания и вдруг слышу, как по громкой связи объявляют «Николай Бондарев подойдите к стойке дежурного». Подхожу, а мне там, на стойке этой говорят «звонили из городской администрации, просили разыскать Вас и попросить, чтобы Вы перезвонили руководству». У нас тогда земком к горсовету относился. Перезваниваю, а мне говорят – «Петрович, командировка отменяется, молодец, что не улетел, давай срочно приезжай на работу». Чудаки, как бы я улетел, интересно, с отмененным-то рейсом!..

Ну вот приехал на работу, совещание у нас там какое-то важное было с областными партийцами по стройке одной. А когда закончилось – сразу домой помчался. Звонить не стал, подумал, вот Алёнушка моя удивится и обрадуется, командировка то ведь на неделю почти планировалась.

Цветы ей купил, как дурак, а ведь мы к тому времени уже года четыре как вместе жили. Открыл дверь, вошёл, слышу, в ванне вода льётся, и поёт она вроде как. Ну, думаю, наверное, под душем стоит. Разделся совсем, понимаешь, Валь, всю одежонку свою прямо на пол скинул, взял букет этот дурацкий – как сейчас помню, ромашки это были, крупные такие, целая охапка – и пошел в ванну. Распахиваю дверь, а она там... С мужиком с голым... Прямо под душем спариваются, суки... И я тоже голый, с ромашками этими прямо в дверях стою... Сцена конечно зае... сь получилась, не приведи Господи...

Колюха закурил третью сигарету подряд и надолго замолчал. Николаю страсть как хотелось узнать, что же было дальше, но он боялся прервать молчание. Уж слишком необычной была эта внезапная откровенность. Не водилась за Колюхой привычка сентиментальничать и выудить из него какую-то личную информацию было просто невозможно.

Молчание затягивалось, и Валентин не выдержал.

– А чё дальше то было, Коль?..

– Дальше, дальше... Думал убью обоих, но сдержался как-то. Только ударил этого разок... Так что упал он. Нogu вроде сломал, не помню уже точно. Собрал вещи, ушёл, подал на развод. Пил какое-то время. С начальником мне повезло, Валь, хороший был человек, царство ему небесное. С пониманием отнёсся, поддержал, отпуск дал, в санаторий чуть не насильно отправил, комнату в общежитии выбил. В общем, выкарабкался я кое-как, только сердцем огрубел. Она ещё пару раз приходила, назад просилась – даже разговаривать не стал с ней, так опротивела. Все бабы из-за неё, гадюки, опротивели, понимаешь, Валь?

Ну а потом понеслось. Надо было как-то обжиться заново. Решил на квартиру заработать, стал взятки брать, когда предлагали. А потом не только брать, но и вымогать. На квартиру то сколотил, только влип в пару историй нехороших с земельными аферами. А в итоге вообще за мокруху сел. Подставил меня один деляга, да так, что со службы враз поперли... Пошёл разбираться с ним, да не сдержался, дал по морде. А он возьми да упади головой на бетонный выступ... Вот так, считай из-за одной бабы дурной вся жизнь под откос пошла...

Колюха почесал затылок и взглянул на Валентина:

– Ну ты чё загрустил то, кореш? Старая это история, лет пятнадцать уже прошло. Былём всё поросло. Понял я, наконец, что есть и нормальные бабы, Валь, есть они. Не просто сучки, Че-ло-ве-ки... Вот, Андрюха, который со мной на сборке работает, уже три года с одной кружится... И ничё, нормальная баба, душевная, передачи возит, поддерживает его как может. Сына одна воспитывает, мать-старуху на себе тянет, а теперь и Андрюху вот ещё. На двух работах работает, шитьё какое-то домой берет, чтобы лишний раз побаловать его и своих...

Знаешь, Валь, он мне тут вчера такое рассказал, что у меня как-будто перевернулось что в душе. Или может на место встало? Как будто вывих какой-то вправился. Ходил он на свидание с ней на прошлой неделе. Говорит, как обычно всё, встретились с радостью, обнялись, поцеловались...

Вкусностей она ему всяких на стол повыставляла, гостинцев разных. Только, говорит, смотрю, она всё руки от меня прячет. И так к ней и сяк – прячет. Ну в итоге, конечно, показала ладони ему. Он как глянул – а они все в мозолях, просто, говорит, в нереальных в каких-то. Стал расспрашивать – она в слёзы. Успокоил, приласкал как мог, выплакалась она и рассказала, что одна знакомая позвала её к каким-то богатеньким «на теплицу» съездить, к весне землю вскопать и клумбы оформить. Денег за два дня работы пообещали – больше, чем она за месяц зарабатывает.

Конечно, согласилась она. Вот только хоть и так работает с утра до ночи, но всё-таки дама то городская, к физическому труду непривычная. Перчатки взять не догадалась, и уже к концу первого дня все ладони в кровь стёрла лопатой... На второй день еле встала – спина не разгибается, руки болят. Так она зубы стиснула, ладони забинтовала и опять «на теплицу» эту поехала.

Ты понимаешь, какая баба?! Андрюха как понял, что деликатесы все эти на столе стоящие она кровью своей для него заработала, бухнулся, говорит, ей в ноги и давай целовать их, мол, недостойн я тебя, сижу на шее у тебя, нахлебник, уголовник хренов, себе жизнь загубил и тебе гублю. А она подняла его и говорит «по душе ты мне пришёлся, Андрюша, человека в тебе увидела, теперь уж дальше только вместе нам, без тебя уже никак мне».

Вот какие бабы есть, Валь, и ведь совсем где-то рядом с нами. Чем-то прогневал я Бога, наверное, что мне только гадюки в юбках встречались бездушные...

Они ещё помолчали, каждый о своём.

– А что с женой твоей потом было, Коль? – задумчиво спросил Валентин, ещё под впечатлением от рассказа – и про любовь Колькину растоптанную, и про завидное счастье Андрюхино.

– С женой-то? Да давно уже не жена она мне. И, наверное, и не была никогда. Слышал, что замуж ещё дважды выходила, последний муж ей вроде как по пьяному делу нос сломал... Нет мне интереса за жизнью её следить, Валя, свою хочется отстроить, наладить хоть как-то... Ведь на свободу через полгода уже... Да и что мы всё обо мне да обо мне, а? Лишнего я тебе тут сболтнул чуток, ты уж не пыли, смотри. Лучше расскажи мне, что за краля у тебя появилась. Да не бойсь, не буду я палки в колёса вставлять. Если по честному всё, по настоящему, то я только «за»...

– Хорошая женщина, Коль, душевная такая, – Валентин стряхнул с себя оцепенение, достал из кармана карточку и протянул Кольке, – вот карточку прислала на прошлой неделе. Карточка правда, странная, старая наверное – видишь, тут кто-то сидел с ней рядом, кусок пиджака торчит. Как-будто отрезала кого-то. Но зато она тут молоденькая такая, симпатичная очень. Но не это главное, Коль. Главное, что понимающая! Пишет, «мне важно, чтобы человек ты был непьющий, хозяйственный, чтобы всё в дом приносил, уважал чтобы...» Ты понимаешь, не осуждаю тебя, Валентин, говорит, ошибки со всяким случаются...

Милая заочница...

Колюха смотрел на протянутую фотку и не слышал, что говорит ему приятель. С обрезанной фотокарточки на него с нежной и радостной улыбкой смотрела его змеюка-жена, Елена, Алёнушка, тварь бессердечная, сучка развратная... У самого края карточки торчал кусочек его, Колькиного пиджака. На годовщину фотографировались... Давно это было, точно

не меньше пятнадцати лет... Кровь ударила Колюхе в голову, стало тяжело дышать. Он потянул ворот рубахи и услышал голос Валентина, который говорил так обстоятельно, как будто не про личное рассказывал, а доклад на собрании читал...

– ...Пишет, что и сама тоже ошибалась, и раскаивалась сильно, и жалела потом, только поздно было. И за последние годы поняла многое, и многое обдумала. Говорит, главное, чтобы человек был с добрым сердцем, а сколько денег у него в кармане – неважно... И вроде искренне всё говорит, понимаешь... Ну как она тебе, Коль?

Колюха протянул фотокарточку Валентину, поднялся, взял свои сигареты, сунул одну в рот, зажал её зубами и сказал сдавленно, без всякого выражения:

– Нормальная баба, Валь, ничего так. Ты пиши ей, пиши. Время покажет...

Жена Валета

Сергей всегда был серьёзным, жёстким и расчетливым. И когда работал заместителем начальника РОВД, и когда руководил бандой профессиональных уголовников, и когда сидел в СИЗО после ареста банды. Предъявленные ему обвинения были доказаны практически по всем эпизодам и дело можно было передавать в суд, однако оно получило настолько широкий общественный резонанс, что следователям не терпелось «блеснуть», увенчав многолетнее разбирательство чистосердечными признаниями главного обвиняемого.

Главаря банды, бывшего «мента» и несгибаемого «Валета», как его звали в банде. Погоняло прилепилось к нему ещё в школьные годы, когда он на спор доставал из колоды карт, не глядя, то короля, то даму, то валета – причем последний был его любимчиком.

Чего скрывать, применяли к нему разные методы воздействия – практически все, которые были в арсенале у органов дознания. Но «Валет» так и остался негибким. За полтора года, проведенные в СИЗО, он так и не дал показаний. Ни разу. Такого местные стены ещё не видели.

Как говорить, поражались все – и сидельцы, и «владельцы». В какой-то момент следовательское терпение иссякло и было решено передавать дело в суд без показаний Антонова – такая была у бывшего мента фамилия. Все члены банды за небольшим исключением были под стражей, все кроме главаря дали показания. Доказательств и улик было собрано достаточно, чтобы впасть Антонову пожизненное – а если бы позволяло законодательство, то и не одно.

На банде числилось несколько трупов, в том числе крупных предпринимателей и чиновников, с десятков грабежей, разбой, рэкет, несколько налётов, валютные махинации, торговля наркотиками и много ещё чего по мелочёвке.

«Валет» знал о перспективах и не строил иллюзий. Пройдя в СИЗО через все мыслимые и немыслимые испытания, он остался верен своему главному принципу «вокруг одни враги; мой единственный друг, единственное мерило справедливости и единственный судья – я сам».

Начался суд. Заседания то переносились, то откладывались. А на те, которые проводились стекалась масса народа, включая немыслимое количество журналистов. Через два месяца судья постановил отправить дело на доследование – налицо было слишком много процессуальных нарушений и не прояснённых до конца эпизодов.

Ещё один год в СИЗО, ещё один круг испытаний выдержал Валет. Здоровье его пошатнулось, через осунувшееся лицо пролегли продольные складки-морщины и выглядел он теперь гораздо старше своих тридцати семи лет. Пожалуй, единственное, что осталось неизменным, так это его жизненная философия – «вокруг одни враги, мир – враждебная среда, единственная точка опоры – это я».

И даже самоотверженность и преданность жены Нади, которая все время, которое он провёл в СИЗО, как часики носила передачи, не могла поколебать эту циничную человеконенавистническую философию.

Мы иногда разговаривали с ним, сдержанно, без панибратства. В одном из разговоров я позволил себе восхититься постоянством его жены, на что Валет только пожал плечами и коротко ответил «это до поры до времени».

Такой вот он был человек. Трудно сказать, что именно заставило подающего надежды майора променять госслужбу на криминалитет. Скорее всего это была жажда власти, желание подчинить себе этот враждебный мир, оказаться сильнее его...

Как бы то ни было, Валету не удалось долго пробыть «на гребне волны» – сколоченная им банда куражилась и беспредельствовала чуть больше трёх лет. И уже почти столько же он пробыл в СИЗО.

Жена у него была хрупкая, невысокая, с серыми доверчивыми глазами. Весь её облик излучал мягкость, податливость, женственность и можно было легко представить, что в объятиях только такой женщины-ребёнка Валет мог хотя бы отчасти расслабиться, чуть ослабить ту невидимую пружину, которая заставляла его идти наперекор обществу, бросая дерзкий вызов своим же бывшим сослуживцам...

Надя Антонова переносила свалившиеся на неё испытания с умиротворяющей стойкостью. Не жаловалась, не ныла, не пропустила ни одной передачи, ни одного свидания. Это для других её муж был особо опасным преступником, матерым «Валетом», убийцей и бандитом.

Для неё он всегда был любимым Серёженькой, который когда-то отбил её у хулиганов, прижал к себе и больше никуда не отпустил. У Нади были кое-какие средства на банковском счете, открытом Валетом ещё задолго до провала банды, кроме того, после его ареста она стала немного подрабатывать шитьём на заказ. Средства со счета тратила на нужды мужа, сама жила на то, что зарабатывала.

За первые полтора года им даже удалось пару раз побыть наедине – Валет как-то договоривался с конвоем о свиданиях в отдельной комнатухе. После первого суда такая возможность больше не представилась, но Надя упорно приходила на короткие свидания «через стекло», пересказывая Валету свои последние новости и заботливо всматриваясь в его с каждым разом меняющееся лицо.

Дело шло ко второму суду. Накануне очередного свидания у Валета была встреча с адвокатом, на которой тот сказал, что решение суда известно заранее – была, мол, негласная разнарядка из Москвы – «главаря и трёх главных подельников – к пожизненному, остальным – по максимуму».

«Если настаиваешь, я конечно, буду тебя защищать на суде, – сказал перед уходом адвокат, – но ничего сделать не смогу, извини».

На следующий день Валет сидел напротив своей Нади и прижимая трубку к уху думал о чём-то своём. Дождавшись окончания очередного Надиного рассказа – о том, как соседка по лестничной площадке в очередной раз выгоняла своего сожителя – Валет посмотрел Наде в глаза и сказал:

– Надюша, через две недели можно будет свидание взять. Захвати с собой двести баксов и Валюшины таблетки. Пачки 3—4... Мне надо.

У Нади расширились зрачки. Улыбка, ещё теплившаяся на её лице после забавной соседской истории, застыла как приклеенная, словно мышцы на лице окаменели.

– Хорошо, – ответила она неестественно спокойным голосом. – Я постараюсь, Серёжа...

«Валюшиными таблетками» они называли препарат, две-три таблетки которого вызывали состояние наркотического опьянения, четыре-пять погружали в тяжёлый бессознательный сон. От двух пачек можно было запросто уснуть навсегда.

Эти таблетки Надя регулярно получала для своей больной двоюродной тётки, которая уже много лет жила в интернате для душевнобольных. Тётку звали Валя, рецепты на лекарства выписывал главврач интерната, поскольку таблетки были дорогие и учреждение не имело возможности закупать их самостоятельно.

Всю дорогу домой у Нади в голове крутилась одна и та же мысль «Всё кончено. Он решил умереть. Решил бросить меня. Сдался! Значит, ему светит пожизненное, надежды нет... Не хочет сидеть всю жизнь. Думает, что ему не для чего больше жить. И не для кого. Что же мне делать? Что делать?!»

Слёзы сами лились из её глаз, в сердце как будто лопнула какая-то склянка с кислотой и она физически ощущала, как его разъедает горечь.

Через три недели они снова встретились в СИЗО. Надю провели не в «стекляшку» как обычно, а в маленькую комнату без окон, с одной дверью и с диваном, на котором сидел Валет.

После первых объятий-поцелуев он спросил её «Всё принесла?» «Да, – ответила Надя и тоже спросила: «Сколько у нас есть времени?» «Думаю, час как минимум есть», – ответил Валет. «Тогда не будем его терять», – прошептала Надя и прижалась к нему всем телом.

Расставаясь, они прощались навсегда.

Он – потому что думал, что она принесла ему спасительный яд, который и в этот раз позволит ему всё сделать по-своему, а значит – опять оказаться «на гребне волны».

Она – потому что знала, что он никогда её не простит. Сочтёт предательством то, что она принесла ему витамины вместо отравы. И её не оправдают ни любовь, ни страстное желание, чтобы ОН ЖИЛ. Чтобы жил, так же, как и крошечное существо, которое начнёт расти в ней после этой их прощальной встречи.

Самвел

Самвел до сорока лет жил одиночкой. Как говорит он сам, ему «профессия» была и женой, и сестрой, и подружкой. Профессия, конечно, мягко сказано, потому что вор-домушник это, всё-таки, призвание. Воровал, попадался, сидел, но всегда недолго. Ущерб от него был невелик, пострадавшие особо не ерепенились, материальные иски полностью отрабатывал на зоне и выходил по УДО.

Беду принес сороковник. Решил Самвел отметить «юбилей» с размахом, наплевав на плохие приметы, и полез в дорогой особняк, где предварительно завел «роман» с горничной. Она то и сболтнула, что хозяева на неделю улетают в Испанию, во флигеле только сторож, а сигнализация сломалась.

В дом Самвел попал играючи, и не торопясь начал собирать в рюкзак хозяйские драгоценности, легко вычисляя тайники. И тут случилось непредвиденное. Вылет задержали на сутки, хозяин с женой и детьми вернулся в дом, застукав Самвела на горячем. Самоуверенный тридцатилетний бизнесмен с ходу полез в драку, крикнув жене и детям, чтобы закрылись в комнате и вызвали милицию и охрану.

В пылу драки Самвел толкнул мужчину ногой и тот, ударившись головой о стену, сполз на пол и затих. Через несколько дней вор узнал, что стал убийцей...

Его нашли и посадили надолго.

И тут с Самвелом что-то произошло. По сути он был спокойным и безобидным мужчиной, мухи не обидел за свою жизнь. Чужая смерть, которой он стал причиной, взорвала ему мозг. Он то бросался в молитвы, то уходил в себя, то пытался резать вены тупыми столовыми вилками. Однажды кто-то из «коллег» сидельцев бросил:

– Ну, что ты все маешься? Нашел бы себе бабу, зажил бы как человек.

Самвел видел, как многие сидельцы на женских горбах выезжают. И грев им, и тепло человеческое, и свидания регулярные. Как сыр в масле катаются, паразиты. Ему это всё было параллельно. Темперамент особо ничего не требовал, а жизнь впроголодь казалась естественным наказанием за взятый на душу страшный грех.

Но против судьбы не попрешь. Приехала как-то на длительное свидание к сыну женщина издалека. А Самвел в этот день на ремонте в гостиничке был, потолки белил.

И так ему глянулась «тетя Наташа» сердобольная, которая «ребятушкам» всё чаек наливала, что аж сердце защемило. Не сводил с нее глаз, чуть с «козла» строительного не свалился. Вдруг подумалось, что она чем-то на мать его похожа, которую он с пяти лет не видел и, конечно, не помнил совсем...

Узнал, что еще день она у сынка гостит, и на следующий день рабочее место в гостиничке у другого зэка за пачку сигарет выменял – ему уже не полагалось туда идти.

Дождался, пока Наташа выйдет на кухню, подошел к ней и сходу брякнул:

– Наташа, выходи за меня. Мне правда, ещё пять лет сидеть... но я для тебя всё сделаю, буду день и ночь работать, на УДО буду проситься, на воле дворец тебе построю!

Много чего говорил, сам поражаясь своему языку распутившемуся. А Наташа только оторопело ресницами хлопала. А когда выдохся он, сказала: «дам тебе адрес, напишешь все про себя, а там посмотрим».

Так вот у Самвела появилась «заочница», чем он никогда раньше не грешил. Писал её три месяца, чуть не каждый день, и однажды она ответила. Написала, что приедет к сыну, но до свидания вызовет Самвела на «час» поговорить через стекло.

Он чуть не танцевал в тот день. Надел под ватник единственную белую рубашку, брился все утро так тщательно, что несколько раз порезался. Наташа встретила его теплой улыбкой:

– Я тебе и передачу привезла, Самвел. Разузнала всё про тебя, где родился, как жил. Ни родных у тебя, ни детей. Что с тобой не так?

Самвел не мог слова вымолвить. Всё смотрел на нее через стекло и дышал в трубку. И опомнился только когда понял, что слезы по лицу текут. Тогда вытер их рукавом рубы и сказал:

– Я тебя всю жизнь ждал, Наташа...

Свадьбу сыграли на зоне. Никого не удивило, что невеста на 5 лет старше жениха – тут и не такое видели. Мало кому в голову пришло, что это не просто «тюремный роман», соединивший два одиночества, а настоящая любовь.

Через год «тетя Наташа» родила Самвелу сына, а еще через два он вышел по УДО и выполнил все свои предсвадебные обещания.

Недавно я был в гостях в их доме-дворце, пил вино, которое они сами делают из собственного винограда и держал на коленях забавного малыша, похожего сразу на обоих.

За убитого им человека Самвел каждый день молится и просит прощения. И, судя по тому, что я увидел в его гостеприимном доме, мне кажется, что его простили.

Боярыня Морозова

Буфетчица услышала страшный звук удара и невольно перекрестилась. На столе у окна стояли две недопитые чашки с теплым чаем. Но допивать их уже было некому...

...Нина относилась к своей работе как к карме. Никто кроме неё не знал об этом, потому что она всегда приходила на работу нарядная, благоухающая дорогими духами и улыбчивая. Всё это было нормально для красивой женщины, которая, к тому же, возглавляла целый отдел. Было только одно «но» – отдел, который возглавляла Нина, находился в исправительной колонии общего режима. В этой же колонии работал и Нинин муж, красавчик и щёголь капитан Морозов, заместитель начальника ИК по тылу.

Морозов был позёром и выскочкой – все знали, что тёплое место он получил благодаря жене, которая была дочкой генерала. Собственно, и сама она продвигалась по службе не без покровительства отца и его связей. Однако, негатива к ней не было. Человек она была открытый, спокойный и без камня за пазухой. И, хотя за глаза её звали «боярыней Морозовой», гонора или высокомерия за ней не замечалось. Со всеми была равна, вежлива, учтива.

Каждый день Нина проходила в контору через двери с решетками и звонками, и каждый вечер через них же и выходила. С неизменной улыбкой она здоровалась с дежурными, с дневальными, со штабными шнырями. Казалось, для неё нет разницы, в шинели перед ней человек, или в робе.

Что на самом деле происходило у Нины в душе, знала только она сама.

В ИК она работала пятый год, к работе привыкла, к коллективу притёрлась. Общение с мужем дома в какой-то момент свелось к обсуждению штабных сплетен и новостей и Нине всё больше казалось, что она сожительствует с сослуживцем, а не с любимым мужчиной.

Пылкие чувства Морозова тоже угасли. Он гордился красавицей-женой, как дорогим трофеем, ценил её дельные советы по работе, но ни страсти, ни любви давно не испытывал.

И шло у них всё ровно и гладко, пока однажды не случилось ЧП, о котором несколько месяцев потом судачили не только в ИК и областном управлении ФСИН, но и во всём их небольшом городке, на окраине которого раскинулась колония.

А случилось вот что.

Утром «боярыня Морозова» зашла к начальнику ИК подписать двухнедельный отпуск. Сказала, мол, семейные обстоятельства, всё очень срочно, работа не пострадает. Тот не стал выпрашивать и бумагу подписал. Примерно через час Нинино синее вольво отъехало со стоянки у административного здания и припарковалось чуть вдали, буквально в двадцати метрах.

В этот день освобождалось несколько человек – кто по УДО, кто по истечению срока. Счастливчиков обычно выпускали с 10 до 11 утра. Пошло по накатанной и в этот раз.

Четверо одетых в гражданское мужчин, кто с баулами, кто пустой, один за другим вышли из двери КПП примерно в 11:20. Двоих встречали родственники и друзья, третий задумчиво огляделся по сторонам и бодро пошел в сторону трассы, которая проходила совсем рядом.

Четвертый, которого вроде бы никто не встречал, уверенным шагом направился прямо к синему вольво, за рулем которого сидела «боярыня». Едва он успел захлопнуть за собой переднюю пассажирскую дверь, как машина сорвалась с места и исчезла за поворотом, обдав пылью одиноко бредущего в том же направлении пешехода.

Этот странный отъезд не остался незамеченным. За тем, как «очистившие совесть» разлетаются по своим траекториям, из окна кабинета наблюдал зам по воспитательной работе. Отъезд синей машины вызвал у него небывалый прилив энергии.

Набрав по внутреннему телефону пару цифр, он бодро застрочил в трубку:

– Здоров, Игорь! Ну ты чего там? Много работы? Совсем в бумагах закопался? От работы конидохнут...

Зам заржал в трубку, как только что упомянутый конь. В трубке что-то недовольно пробубнили, у отвечавшего явно не было желания трепаться. Но тут разговор перешел в неожиданную плоскость.

– А что боярыня то твоя? На работе, говоришь? О как! Сам лично видел? Ну прямо удивляюсь я тебе, Игорёк. До чего ж ты невнимательный. Ведь укатила она только что. В сторону города. Еще и не одна, зэка с собой прихватила. Откинулся тут сегодня один, среди прочих...

На другой стороне раздался прерывистый гудок. Зам понял, что «Игорек» бросил трубку и побежал проверять, на месте ли жена. Хихикнув про себя, зам подумал, что будет презабавно посмотреть на семейную разборку безупречной четы Морозовых, когда женушка вернется в контору. Однако даже этот циничный интриган не представлял правды. Он был уверен, что Нина поехала по личным делам в город и заодно решила подвезти зэка, который был ей знаком. Как и ему и её мужу. Ситуация, скажем так, не типичная для мест не столь отдаленных, но по-человечески понятная.

Звали его Андрей Горбатко; последний год он работал в конторе учетчиком. И, хотя входил он в контору с другой стороны здания – иначе говоря, с охраняемой территории – всего через несколько дней большинство вольнонаемных перестало воспринимать его как сидельца. Он был хорошим экономистом, грамотным и понимающим, работу свою выполнял безупречно, вольностей в общении не позволял. Идеальный работник, за копейки делающий работу целого отдела. Да ещё и круглосуточно доступный, без выходных и отпусков.

Горбатко рассчитывал нормы выработки для рабочих в цеху, где делали дверные ручки и карнизы, а также для работников швейного цеха. Он же считал зарплату работающих зк и вел учет товарно-материальных ценностей. Со временем на него скинули много дополнительной мелочевки, что позволило начальству сократить одну единицу в бухгалтерии.

А ещё у Андрея был свой небольшой кабинет, который закрывался изнутри на шпингалет.

И был он на одном этаже с отделом Морозовой.

Игорь Морозов безуспешно дергал дверь кабинета жены. За дверью стояла звенящая тишина, только слышно было, как сквозняк шелестит парусиновым офисными шторами.

«Ну, сучка», – думал про себя Морозов. «Зеков ей подвозить приспичило. Вернется, душу вытряхну. Позорит ведь и себя и меня, дура. Еще урод этот видел, теперь по всей зоне разнесет».

Он зачем-то еще раз дернул дверь кабинета.

– Игорь, ты чего тут в закрытую дверь ломишься? – раздался за спиной густой бас Дмитрия, начальника ИК. – Забыл, что жена в отпуске?

– В отпуске? – ошалело переспросил Игорь. Он вдруг почувствовал, как по спине стекает тонкая струйка пота, а к лицу приливает кровь. Происходило что-то из ряда вон.

– Ну да, утром подписал ей две недели. Сказала по семейным обстоятельствам. А ты не знал, что ли? – начальник с подозрением посмотрел на потного и покрасневшего Игоря.

– Знал, – пробурчал он. – Иван Дмитрич, можно отъеду на часок, нужно пулей домой сгонять.

– Что, уют забыл выключить? – подмигнул ехидно Дмитрич, – Едь, конечно, дело такое. Главное к совещанию в два вернись.

Игорь кивнул и помчался на выход.

К совещанию он не вернулся. Ведь дома не было ни жены, ни её украшений и одежды.

Отношения с «контингентом» на зоне – одно из сильнейших негласных табу. Андрей Горбатко об этом знал. Знала и Нина Морозова. Однако есть миры, где людские законы и запреты теряют свою силу, становятся ничтожными, как сказал бы какой-нибудь юрист. Андрей, кстати,

был юристом по образованию. Экономика была его второй, дополнительной специальностью. Изучил он её вынужденно, когда университетский товарищ пригласил его в замы на только что отстроенный завод газового оборудования. У товарища были хорошие «прихваты» в «Газ-проме».

И уж как радовался Андрей этой новой работе! Так радовался, не подозревая, куда она его в итоге приведет...

Есть в определенных кругах нехорошая поговорка: «не сиди сам, если есть зам». Когда Андрей понял, что именно это и было причиной его неожиданного назначения на выгодную должность, было уже поздно – он и главбух уже были фигурантами уголовного дела...

А дальше понеслось по накатанной. Следствие, суд, приговор, ИК. Первый год прошел как в сказке Пушкина о Царе Салтане – «как сон пустой». А вот второй год сделал Андрею царский подарок, о котором он даже не мечтал.

Нина с детства мечтала стать художником или фотографом. Ещё в годик она рисовала палочками на песке в песочнице. Дальше – больше. К 17 годам она закончила две школы – общеобразовательную и художественную и даже выбрала в какой институт поступить, но тут в её судьбу вмешался отец. Накануне её школьного выпускного он появился дома с новым генеральским званием. А еще – с известием о длительной служебной командировке в северную столицу. Семье было велено «собирать вещи» и адаптироваться к новой ситуации.

Нина сначала не почувствовала угрозы. «В Питере полно профильных вузов,» – легкомысленно думала она. Но не тут-то было. Дочь-художница в планы генерала не входила. Сразу по приезду в Петербург, папаша завел её к какому-то армейскому приятелю, который оказался деканом одного из факультетов военной академии связи, и произнёс речь. О том, как прекрасно, что он доверяет свою единственную наследницу в руки надежного старого товарища, о том, что в этих стенах она и её нравственность будут как в сейфе, ну и так далее, и тому подобное.

Нине казалось, что это какой-то фарс. Ведь еще накануне она отнесла документы в Репинскую академию и на днях должен был состояться первый вступительный экзамен... Однако, споры с отцом были в семье категорическим табу. И через какое-то время Нина стала студенткой Военной Академии. Кроме нее на факультете было всего три девушки и мужского внимания было хоть отбавляй. Но Нину не цепляли грубоватые однокурсники в погонах и все они были для неё лишь приятелями и «своими парнями».

Удивительно, что пробить брешь в глухой обороне, взятой Ниной, удалось наименее достойному – Игорю Морозову, ловеласу и пустослову. Она, порой, и сама не понимала, что нашла в этом пустом нарциссе с подвешенным языком. Но уж больно долго и тщательно он её «окучивал» и в какой-то момент она неожиданно для себя проснулась с ним в общей постели.

Игорь учился со второго дня на третий, звезд с неба не хватал, и генеральская дочка виделась ему кратчайшим путём к блестящей карьере. Он вцепился в Нину мёртвой хваткой и не отпускал до тех пор, пока в её паспорте не появилась его фамилия.

Тут только он немного расслабился и поехал за женой по назначению в небольшой городок, где они рука об руку пошли вверх по карьерной лестнице.

Всё было расписано на годы вперед. Служебная квартира, звания, должности, планы. Жизнь просматривалась ясно и четко, как нарисованная на холсте известного художника.

Кстати, с год назад Нина вернулась к своему увлечению и начала рисовать акварели. В кабинете за шкафом у нее стоял мольберт, к которому она время от времени «убегала» от гнетущей действительности...

В какой момент и что в их семейной жизни пошло не так, Игорь не понимал. Одно ему стало ясно, когда он заехал в их «семейное гнездо» – жена исчезла навсегда, бесповоротно, и ни через какие две недели не вернется.

Нина и Андрей совсем немного отъехали от городка в сторону Москвы и остановились на обочине в «кармане» у придорожного кафе. Нина заглушила машину и повернулась к Андрею. По её лицу текли слезы. Он схватил её в охапку и молча обнял.

Оба помнили день, который перевернул в их жизни абсолютно всё. К тому времени они общались с парю месяцев, но больше вскользь, по работе. Хотя даже на расстоянии той социальной пропасти, которая непреодолимо их разделяла, они испытывали едва уловимую симпатию друг к другу.

Всё изменилось в один день. Андрей зашел в кабинет к Ирине подписать пару документов. И вдруг застыл у мольберта.

– Адмиралтейство? – спросил он.

– Да, – кивнула Ирина.

– По памяти рисовали или по фото?

– По памяти, – ответила она. – Мне не надо смотреть фотографии, чтобы вспомнить все детали. Я закрываю глаза и вижу Питер. Невский, Ваську, Исакий, мосты, проспект Обуховской обороны... Как будто вчера там гуляла.

– Я не знал, что вы из Питера. Я там родился и жил до 17 лет – сразу после школы уехал в Москву учиться. Да так там и осел.

– Забавно, – Ирина взглянула на Андрея с неподдельным интересом. А я наоборот, в 17 приехала в Питер – и, собственно, тоже за этим. Правда, училась не тому, о чем мечтала.

Она задумалась, а Андрей всё разглядывал картину, узнавая в ней знакомый облик родного города.

– А о чем мечтали? – спросил, наконец, он. И вдруг сам же и ответил: – Нет, не говорите, я сам скажу. Мечтали бродить с этюдником по небольшим городкам и рисовать людей, церкви, дома, закаты, озера... Ускользающую красоту.

Он взглянул на неё и прочёл в её глазах желание слушать ещё и ещё.

– Когда смешиваешь краски на холсте – или даже на листе бумаги – и из пустоты получается новый живой мир, чувствуешь себя немножко Богом. Потому что создаешь из ничего красоту. Это непередаваемые чувства. И даже если просто рисуешь с натуры, какой-нибудь костёл в центре Европы, который простоял уже тысячу лет, и был сфотографирован миллион раз с тысячи разных ракурсов – всё равно создаешь новое. Потому что картины – это живое и тёплое искусство, которое всегда передаёт настроение художника. Ни одна картина не является механическим отпечатком местности. Это всегда новое произведение, даже если каждый день рисовать одно и тоже...

– Вы тоже художник? – удивилась Нина.

– Ну, художник громко сказано. Но я рисую. Правда только карандашом. Краски для меня пока роскошь. И я никогда не рисую по памяти. Мне нравится рисовать то, что я еще ни разу не видел. Я представляю, что однажды выйду и поеду путешествовать по всем тем местам, которые нарисовал исходя из своих представлений. В общем... мои рисунки – это для меня путеводитель по будущему.

– А покажете? – Нине вдруг стало интересно, что рисует этот скромный интеллигентный мужчина, с которым она до этого разговора и десяти слов не сказала.

– Хорошо, – он смущенно улыбнулся, и она вдруг увидела, что это совсем молодой парень, лет на пять всего старше, чем она сама.

С того дня у них появился общий секрет. Они обменивались мнениями, обсуждали картины, давали советы друг другу и иногда даже рисовали вместе. Нина начинала рисунок по памяти, а Андрей добавлял в него какие-то объекты совсем из другой местности. Получались совершенно необыкновенные пейзажи, которые удивляли всех, кто их видел.

До освобождения Андрея оставалось чуть больше полгода...

Когда и в какой момент они стали близки было неясно им самим. Это произошло неожиданно и настолько естественно, что оба восприняли эти новые отношения как подарок судьбы. Их роднило всё, и общий интерес к живописи только укреплял все те ниточки, которые тянулись от одной души к другой. Когда до освобождения Андрея осталось чуть меньше недели, Нина сама предложила ему уехать вместе.

И не сказать, что выбор для неё был простым, но она вдруг поняла, что быть собой и заниматься любимым делом рядом с родственной душой – это счастье, от которого она уже не в силах отказаться. Предыдущие несколько лет виделась куском беспросветного серого тумана, в который её погрузили помимо её воли и который так долго выдавал себя за «нормальную и успешную жизнь» как у всех.

И вот они вместе, в одной машине, свободные и вольные как ветер!

От внезапно нахлынувшей эйфории хотелось смеяться и дурачиться.

– Зайдем в кафе? – спросил Андрей, – перекусим чего-нибудь. Мне зарплату за год выдали, я ж не тратил. Могу угостить тебя шикарным обедом!

Ирина засмеялась, и они пошли в кафе, держась за руки.

Буфетчица, забиравшая пустые тарелки с соседнего стола, невольно залюбовалась этой парочкой. Удивительно красивая девушка и улыбчивый мужчина негромко разговаривали, поглаживая друг друга руки. Перед ними стояли чашки с чаем, который уже, надо сказать, подостыл. Вдруг девушка вскочила на ноги, громко отодвинув стул.

– Смотри, там Игорь! – сказала она спутнику, указывая в окно. – Боже, я так не хотела этих разборок! Как он нашел нас?

Буфетчица машинально посмотрела в окно. У кафе припарковался большой серебристый внедорожник, водитель в серой форме вышел из машины и пошёл в сторону кафе.

– Девушка, – вдруг обратился к буфетчице парень, – можете нас вывести через черный вход? Пожалуйста, выручайте.

Буфетчица усмехнулась и подумав, что на её глазах разворачивается любовный треугольник, без лишних уговоров сказала: «Идемте». Проводив парочку на улицу через кухню, она вернулась в зал.

Там уже ждал мужчина в форме. «А ведь красавчик», подумала она и расправила плечи, слегка выпятив грудь. «Хорошо если свободный теперь», – мелькнула игривая мысль.

– Мадам, – заговорил мужчина слегка вальяжно, – вы не видели, кто вон на той синей машине приехал? Где они?

С этими словами он указал рукой на окно и вдруг, не дожидаясь ответа, выбежал на улицу.

Буфетчица прилипла к окну в ожидании любовной разборки. Однако, то, что она увидела, лишило её покоя надолго. И потом ещё несколько месяцев снилось в нехороших ночных кошмарах.

Парочка добежала до синей машины, села в неё и резко тронулась с места. Мужчина в форме сначала бросился за ними, но потом вернулся за руль, завёл машину и сдал задом, явно пытаясь загородить выезд синему вольво. Однако девушка за рулём оказалась проворней. Она успела проскочить и вывернуть на трассу.

Буфетчица сжала кулачки – ей почему-то хотелось, чтобы симпатичная парочка оторвалась от преследователя.

Вольво вылетело на полосу разгона и двинулось по трассе, набирая скорость. Но не успело проехать и пятидесяти метров, как его снес с дороги мчащийся в ту же сторону грузовик.

Буфетчица в ужасе перекрестилась.

«Красавчик» медленно вышел из своего внедорожника, не успевшего выехать на трассу, и вдруг, что было сил, ударил кулаком по капоту своей машины, оставив на серебристом металле некрасивую полукруглую вмятину.

Алишер

– Мама, а ты помнишь, как папа тебе предложение сделал? – задумчиво спросил Алишер.

– Конечно, сынок.

Дильбар сидела прямо перед ним, их разделяло толстое стекло и говорить они могли только через аппарат. В трубке потрескивало, он не услышал – увидел, как она вздохнула.

– Твой отец прислал мне красивый платок... Ещё до того, как к нам пришли его мать и сестры.

– Мам, а ты можешь купить похожий платок... и привезти мне? – Алишер постарался, чтобы его голос прозвучал как можно равнодушной, но маму было не провести.

– Сынок?! – ахнула она. – Ты решил жениться? Кто эта девушка? Почему ты молчал? И почему сейчас? Она знает, что ты в тюрьме? Отец в курсе? Она из Ташкента?

Дильбар сыпала вопросами, но он молчал. Разве мог он сказать матери, что её первенец, «золотой мальчик» Алишер давно уже любит женщину старше себя, которая была замужем и у которой есть семилетний сын?

...Это случилось пять лет назад. Он узнал, что она привезет на московские соревнования своих подопечных гимнасток, и решил подойти. Сказал, что помнит её ещё девчонкой с тех пор, как они занимались в одном дворце спорта в Ташкенте. Она сделала вид, что не помнит, но глаза заблестели. Вечером они гуляли по Москве, и он показывал ей Тверскую и Елисеевский, «Пампуш на Твербуле», театр на Таганке, высотку, где жила Зыкина, и рассказывал, рассказывал, рассказывал... Ирина смеялась и её смех звучал для него как перезвон звёзд на небе. Настолько она была желанной и притягательной.

Вернувшись в Ташкент, три года спустя, он перевёз её с сыном в отдельную квартиру и это стало их тайной на два последующих года – пока суд не разлучил их. На суде Ирина не плакала, только сказала: «Я верю тебе. Я буду ждать». И ждала. За решеткой Алишер понял, что держать такую женщину в любовницах просто нечестно...

...Мать привезла платок. Дорогой шёлк ручной росписи, лазурь с золотом – всё, как он просил. И с летящей красной вязью. Сочетание этих трех цветов было её любимым, и на удивление шло ей. Стильная, гордая, изящная как статуэтка, Ирина обладала невероятным чувством стиля и собственного достоинства.

Окрыленный возвращался он в свою камеру, спрятав платок в нагрудный карман фуфайки. И тут его настигла неприятная новость – его переводят в другую часть зоны. Предчувствие резануло по сердцу. В бараках «зоны Б» содержали не только бывших милицейских чинов и партийных сотрудников. Там отбывала мелкая гопота пополам с уголовниками. Кто-то явно решил устроить Алишеру Варфоломеевскую ночь – на зоне все знали, что он сын прокурора.

Была суббота, начальство отсутствовало. Откуда прилетело распоряжение догадаться было нетрудно. Был у него недоброжелатель в администрации, который, видимо, и придумал злой план. Вот только сделать ничего до понедельника было нельзя...

Алишер скатал в рулон свою постель, шепнул верному человеку, что у него беда, и пошёл за конвойным...

«Зона Б» готовилась к переезду. После того, как было принято решение о переводе лагеря в статут «колонии для бывших сотрудников правоохранительных органов», всех уголовников «нон грата» распределили по другим МЛС. До этапа оставались считанные дни. И надо же было такому случиться, что именно в этот смутный момент кто-то решил устроить осужденному сыну прокурора подлянку...

Чувства Алишера обострились, сердце стучало, как набирающий скорость поезд. Он вошел в барак с уголовниками, не ожидая ничего хорошего.

Предчувствия не обманули. Блатные, которые резались в карты в теплом углу, глянули на него искоса и продолжили игру. Остальные замерли и затихли. Казалось, остановилось даже движение воздуха. Конвойный указал Алишеру на свободную шконку и вышел.

– Что-то прокурорским душком вроде запахло? – как бы нехотя сказал один из воров за игральным столом.

– Показалось, – хмыкнул другой. – Хотя, может и нет. Сейчас проверим. Эй, Валет, ну-ка поздоровайся с человеком.

Тут же откуда-то из замершей глубины барака вышел тощий высокий зэк, видимо тот, кого вор назвал «Валетом».

Вразвалочку подойдя к Алишеру, тощий улыбнулся и начал представление.

– Ну, здравствуйте вам, пришелец. Давайте брататься.

Он присел, будто в книксене, оттянув в стороны полы зэковской робы и протянул Алишеру худую руку, но тот даже не шелохнулся, только смотрел молча, ожидая развития событий.

– Ах, не хочешь брататься, вша?! А ну, выворачивай карманы!

Алишер молчал.

– Ну, смотри, сам попросился, – Валет сделал резкое движение и не успел Алишер шевельнуться, как тот выдернул у него из-за пазухи шелковый платок.

– Ох ты, какая красота! Зазнобе небось приготовил? Вещь! Удачно ты к нам зашел, не пустой, – с этими словами Валет попытался надеть платок себе на голову, но Алишер быстрым движением руки выдернул у него платок и сжал его в кулаке.

Тусклые лампочки под потолком замигали, как от скачка напряжения. Валет и ещё несколько человек готовы были броситься на Алишера, но один из блатных остановил их властным жестом руки.

– Гордый, да? – сказал он, обращаясь к Алишеру. – Это хорошо. С гордыми у нас разговор короткий. Покайся в преступлениях своего папаши против общества, и мы тебя амнистируем. Прямо тут, среди своих. И полетишь на все четыре стороны, хоть в небо, хоть в ад.

Алишер понял, что живым ему отсюда не выйти. И это почему-то придало ему смелости.

– Сын за отца не отвечает. Ко мне лично у тебя какие претензии? – сказал он спокойно, выделив голосом слово «тебя».

Вокруг происходило какое-то движение. Мужчины в спортивных костюмах окружили его плотным кольцом, невидимый градус напряжения подскочил до красной отметки. Алишер сжал губы и намотал платок на ладонь правой руки. Вокруг него нарастал злой гул, в котором он вроде как расслышал: «подай нож»... Ему показалось, еще несколько секунд, и всё оборвётся. Непоправимо и навсегда.

И вдруг заговорил третий из сидящих за столом игроков, который до сих пор только молча наблюдал за стихийным судилищем.

– Обождите, – сказал он медленно и поднялся из-за стола.

Подойдя к Алишеру, он встал напротив него. Лицо в лицо. Алишер напряг память и вспомнил – это был вор в законе Вачикос, он же – осужденный Петросов, один из местных авторитетов. Ему было около сорока, на лицо приятен, а глаза колючие, злые. Лично они не были знакомы.

Вачикос несколько секунд смотрел Алишеру прямо в глаза, потом отвернулся к своим:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.